

УДК 314:303.7

В. Н. Ракачев

Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
НА КУБАНЬ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930-Х ГГ.**

Статья посвящена истории организованного переселения красноармейцев Белорусского военного округа на земли Кубани и Ставрополя, опустевшие в результате депортаций местного населения и голода начала 1930-х гг. Раскрыты причины переселений красноармейцев, прошедших службу в Белорусском военном округе, механизмы организации переселенческих процессов. На основе архивного материала, значительная часть которого введена в научный оборот впервые, рассмотрены вопросы организации жизни и быта переселенцев, их взаимоотношения с местным населением, степень адаптации переселенцев к новым условиям. В статье убедительно показано, что задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере также не была реализована. Административный подход оказался малоэффективным, поскольку не учитывал многих факторов, прежде всего субъективного характера. Противоречия в отношениях местного населения и переселенцев осложняли хозяйственно-экономическую адаптацию и деятельность. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Кубани и Ставрополье хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Ключевые слова: переселение, Кубань, Беларусь, депортация, миграции.

V. N. Rakachev

Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**ON THE RELOCATION OF THE RED ARMY
BELARUSIAN MILITARY DISTRICT IN THE KUBAN AND STAVROPOL
TERRITORY IN THE 1930'S**

The article is devoted to the history of the organized relocation of the Red Army of the Belarussian Military District in the Kuban and Stavropol land, empty as a result of the deportations of the local population and the famine of the early 1930's. The reasons of migrations of the Red Army, who served in the Belorussian Military District, mechanisms of resettlement processes. On the basis of archival material, much of which was put into scientific circulation for the first time, the issues of organization of life and living conditions of immigrants and their relationship with the local population, the degree of migrants adapt to new conditions. The article clearly shows that the task of restoring the demographic balance in the region by the planned relocations in full just has not been implemented. Administrative approach proved ineffective because it does not take into account the many factors-primarily subjective. The contradictions in the attitude of the local population and migrants complicated economic-economic adjustment and operation. In general stabilization of the socio-political and economic situation in the Kuban and Stavropol although it was achieved, but through significant sacrifices and deprivations.

Key words: relocation, Kuban, Belarus, deportation, migration.

Введение. Решению политических и народнохозяйственных задач, стоявших перед СССР в 1930-х гг., способствовала активизация миграционных потоков. Это отвечало марксистским идеям, согласно которым крестьянин-архаик, включаясь в миграционные процессы, изменялся, обретая новые качества, необходимые для перехода от традиционного общества к индустриальному, от сельского к городскому. Огромные массы людей оказываются вовлеченными в добровольную и вынужденную «индустриальную миграцию», которая с конца 1920-х гг. переходит под жесткий контроль со стороны государства. Тем не менее этим проблемам в историографии уделено мало внимания. А пе-

реселенческий опыт заслуживает более глубокого изучения.

Основная часть. В советский период сложилась особая практика управления миграциями, основанная на идеях так называемого административного подхода, согласно которому индивид в любой момент времени в соответствии с политическими решениями может быть переселен в любую точку доступного географического пространства, причем необязательно насильственным путем. Стимулирование таких переселений может осуществляться с помощью самых разных средств – моральных, идеологических, политических и экономических [1, с. 88]. 1930-е гг. являются ярким примером

использования данного подхода на практике. Наиболее широкое распространение получили массовые депортации «кулаков» в ходе коллективизации и крестьян, обвиненных в срыве и саботаже хлебозаготовок. В такие перемещения были вовлечены значительные массы населения ряда регионов России, в том числе Кубани и Ставрополья. Опустевшие в ходе голода 1932–1933 гг., депортаций, бегства населения, эти территории, важные для власти, с точки зрения производства товарного зерна как для внутреннего, так и для внешнего рынка, необходимо было заселить политически лояльным населением. Этим критериям отвечали военнослужащие Красной Армии, за годы службы получившие соответствующую политическую и идеологическую подготовку. Был в этом и стратегический интерес – регион относился к приграничным территориям и такое переселение в условиях противостояния СССР и западных стран способствовало обеспечению безопасности государства.

Начало этим процессам положило постановление Реввоенсовета СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве страны» [2, с. 201]. 11 сентября 1933 г. утверждается предполагаемая разрядка переселяемых красноармейских семейств по районам и станицам Азово-Черноморского края – 12 000 чел. [3]. Большую часть переселенцев составили военнослужащие Московского и Белорусского военных округов (МВО и БелВО). Эти же округа дали наибольшее число переселенцев с семьями: Московский – 4720 семейств (19 264 чел.), Белорусский – 4714 семейств (18 231 чел.). Причем изначально из БелВО планировалось к переселению 4100 семейств красноармейцев [4].

Завербованные красноармейцы снабжались обмундированием, дополнительным окладом, 100 руб. подъемных и питанием на время следования. Расходы на переселение красноармейцев БелВО составили 543 469 руб., в том числе: сторублевые пособия – 471 400 руб., командировочные расходы – 21 666, почтово-телеграфные расходы – 12 574, наем подвод – 921, политико-просветительские расходы – 8588, банно-прачечные расходы – 214, покупка железнодорожных билетов – 95, канцелярские расходы – 214, продовольствие и фураж на дорогу – 3896, премирование – 2500, разные организационные расходы – 11 401, расходы, возникшие в округах после представления ими отчетов (отправка оставшихся и т. п.) – 10 000 руб. [5].

Переселяемым выделялось жилье, в основном за счет домов репрессированных в ходе хлебозаготовок. Причем особо отмечалось: «Необходимо обеспечить ремонт жилья для

вселяемых, кухонными плитками, гвоздями, стеклом, а также поставить вопрос о долгосрочных кредитах для вселяющихся на хозяйственное обустройство исходя из 300 руб. на каждое семейство и 100 руб. – на приобретение скота и птицы» [6].

Уделялось большое внимание продовольственному и хозяйственному вопросам обеспечения переселенцев. Колхозам и МТС вменялось в обязанность первоочередное обслуживание красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных условиях. Кроме того, колхозы должны были обеспечить вселяющихся овощами, картофелем, подсолнечным маслом и пр. [7]. Переселенческие красноармейские хозяйства, помимо прочего, получали льготы от выдачи кредитов и выделений специальных фондов, освобождались от налоговых поставок молока, мяса, картофеля на ближайшие два года [8]. Одновременно усиленно среди переселенцев велась идеологическая подготовка. Среди них распространялись брошюры, объяснявшие, что выселение местных жителей связано с их враждебной и вредительской работой [9].

Все эти мероприятия, с одной стороны, усиливали лояльность переселенцев к властям, но с другой, выстраивали определенный барьер между переселенцами-красноармейцами и местными жителями, затрудняя процессы социальной адаптации, что осложнялось исторически сложившимся здесь противостоянием: «казаки – иногородние», «казаки – кацапы» и т. п.

В итоге переселенцы воспринимаются местными жителями не только как чужаки, прибывшие по решению и при поддержке власти, но прежде всего как «не казаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей.

Переселенцы наделялись такими негативными качествами, как лень, бесхозяйственность, безынициативность, пьянство. Частыми были такие высказывания в их адрес: «... а северный народ выпивать любит и вместо того, чтобы жить культурно, люди в свободную минутку пьяны и драки происходят...» [10].

Красноармейцы же в свою очередь пытались противопоставить себя местным жителям. «Наша задача не только построить образцовые колхозы на Кавказе, а доказать всем трудящимся, как мы, красноармейцы, умеем работать. В условиях Кавказа всего можно добиться. Нужно иметь только старание и желание работать» [11]. «Колхозники Кубани голодали потому, что не хотели работать. Они сами виноваты в этом. На Кубанской земле мы быстро разбогатеем, покажем ударные темпы и добьем кулака» [12].

Адаптация переселенцев осложнялась не только за счет субъективных, но и вследствие

объективных причин: многие из них столкнулись с хозяйственными проблемами. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у переселенцев отрицательные настроения, не редкими были такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет» [13]. «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно» [14].

В отдельных случаях ситуация действительно была критической, переселенцы терпели лишения и голод наряду с местными жителями. Красноармейцы уже не просто жалуются, а обвиняют власти в сложившейся ситуации. Показательными являются письма красноармейцев из станицы Уманской: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошадей в бригаде 17, посеяли 60 га, лошади стали, не ходят, приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день. Эх, знал бы, что я помру здесь от голода и скоро, то покончил бы сам себя. За что нас сюда выгнали. По крайней мере, я в армии отслужил два года, не имел ни одного взыскания, а сейчас приходится сидеть почти голодным... от голода десятки помирают каждый день» [15, с. 472–474].

Вместе с тем переселенческая политика к концу 1933–1934 гг. принимает более масштабные формы. К середине декабря 1933 г. на Кубань «прибыло 105 эшелонов с общим числом переселенцев 38 504 чел., из них мужчин – 19 499 чел., женщин – 11 388 чел., детей – 7617 чел. В числе прибывших: коммунистов – 4201 чел., комсомольцев – 3527 чел.» [16]. Однако с ухудшением положения нарастает недовольство и волна беглецов. Появляется такой феномен, как «обратничество» (социальная практика возвращения/бегства переселенцев с новых мест проживания на территорию исхода), которое на Кубани и Ставрополье принимает масштабные формы.

В 1933 г. с мест переселения бежало 1084 чел., из них 90,5% – одиночки и 9,5% – семейные переселенцы, 554 побега были предупреждены [17]. Согласно сведениям контрольных органов о количестве красноармейских переселенческих хозяйств, вселенных в плановом порядке в Азово-Черноморский край осенью 1933 г. и оставшихся в наличии по состоянию на 20 ноября 1936 г., «возвратники» составили 55% [18].

В то же время более успешно адаптировались на новом месте семейные переселенцы. Прежде всего потому, что семье работать и жить было проще, а кроме того, отъезд или побег с места переселения для семейного был значительно сложнее, чем для одиночки.

Подстегивали бегство и негативные настроения местного населения, которое постепенно развернуло против переселенцев активные практики запугивания и деморализации. Переселенцам угрожали, подбрасывали записки, известны случаи нападения и насилия по отношению к ним.

В записках и разговорах их пытались убедить, что жизни на новом месте им не будет. «...Вы занимаете дома высланных, они возвратятся и выгонят вас отсюда силой». «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно» и т. п. «Хорошей жизни Вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно (ст. Тимашевская, ст. Поповическая)» [19]. «Мы тут подышаем с голода и от малярии, и с вами то будет» [20]. «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно» и т. п. [21].

Осознавая сложность сложившейся ситуации, власти начинают разработку комплекса мер по борьбе с бегством переселенцев и хозяйственного закрепления их в колхозах и МТС [22].

Однако со временем местное население смиряется с необходимостью мигрантов, в условиях запустения и хозяйственной разрухи они начинают восприниматься как неизбежность и даже как некоторая необходимость. По воспоминаниям И. Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, приезд переселенцев спас станицу от гибели: «Станица немного ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [23, с. 51–61].

Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями сходят на нет. Это заметно по газетным публикациям, сводкам и донесениям. Краевые газеты за 1934–1935 гг. практически не упоминают о конфликтах между казаками и переселенцами-красноармейцами, большая часть материалов сообщает о выполнении планов красноармейскими колхозами, выдвижении бывших переселенцев на руководящие должности и т. д. «Переселенческие колхозы имени Гамарника, Шеболдаева и Белорусского военного округа, – сообщала газета «Молот», – в числе передовых колхозов района закончили сев колосовых, перевыполнив план... Соседние старые колхозы сеют хуже переселенческих, но последние своим примером сумели и их повести за собой» [24].

В газете «Социалистический труд» отмечается отличная работа старшей доярки колхоза

имени Ворошилова станицы Красноармейская А. В. Савеленко, приехавшей на Кубань со своим мужем-красноармейцем П. Савеленко из Белоруссии [25].

«Три года назад лучшие ударники колхозного строительства, демобилизованные красноармейцы, прибыли в станицу Полтавскую, чтобы навести большевистский порядок на богатых кубанских полях. Теперь уже нет станицы Полтавской, а есть обновленная большевистским трудом зажиточная станица Красноармейская» [26].

Стабилизация обстановки способствовала возвращению беглецов, о чем свидетельствуют донесения ОГПУ. «Основная масса переселенцев в станицах успешно хозяйственно закрепляется, – сообщает сводка. – Отдельные бригады переселенцев дают образцы трудовой дисциплины и хорошие производственные показате-

ли, вызывая своим энтузиазмом в работе симпатии колхозников...» [27].

Заключение. Таким образом, переселение лояльного населения на Кубань и Ставрополье столкнулось с большими трудностями, прежде всего адаптационного характера. Задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере также не была реализована. Административный подход оказался малоэффективным, поскольку не учитывал многих факторов, прежде всего субъективного характера. Противоречия в отношениях местного населения и переселенцев осложняли хозяйственно-экономическую адаптацию и деятельность. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Кубани и Ставрополье хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М.: Артекс, 1998. 325 с.
2. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 1976. 284 с.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
4. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.
5. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.
6. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
7. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.
9. Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д: Партиздат, 1932.
10. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
13. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
14. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
15. Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. составитель В. В. Кондрашин. М., 2012.
16. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.
17. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
18. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53–54.
19. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.
20. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
21. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
22. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.
23. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 51–61.
24. Молот. 1933. 5 мая.
25. Социалистический труд. 24 июля 1935 г. № 135 (438).
26. Социалистический труд. 21 авг. 1935 г. № 154 (457).
27. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

References

1. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. *Etnosotsiologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Etnosociology: train aid for higher education institutions]. Moscow, Artek Publ., 1998. 325 p.

2. Platonov N. I. *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i yee osushchestvleniye v SSSR (1917 – iyun' 1941 goda)* [Resettlement policy of the Soviet state and her implementation in the USSR (1917 – June, 1941)]. Tomsk, Tomskiy universitet Publ., 1976. 284 p.
3. Russian State Archive of Economy (RSAE). Fund. 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
4. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 63. L. 9–10.
5. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 63. L. 9–10.
6. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
7. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
8. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 14.
9. Radin A., Shaumyan L. *Za chto zhiteli stanitsy Poltavskoy vyselyayutsya s Kubani v severnyie kraya* [For what residents of the village Poltava are moved from Kuban to northern regions]. Rostov on Don, Partizdat Publ., 1932.
10. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 76. L. 19.
11. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 27.
12. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 23.
13. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 36.
14. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 22.
15. *Golod v SSSR. 1929–1934. V 3 tomakh. Tom 2: Iyul' 1932 – iyul' 1933* [Hunger in the USSR. 1929–1934. In 3 vol. Vol. 2: July, 1932 – July, 1933]. Moscow, 2012.
16. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 26.
17. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 22.
18. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 95. L. 53–54.
19. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 37.
20. Center of Documentation of the Contemporary History of Krasnodar Krai (CDCHKK). Fund 80691. I. 1. F. 4. L. 280.
21. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 20.
22. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 24.
23. *Dnevniky Ivana Lazarevicha Polezhaeva (30-e gody stanitsa Umanskaya)* [Native Kuban (literary and historical magazine)], 2002, no. 3, pp. 51–61 (In Russian).
24. *Molot* [Hammer], 1933. May 5.
25. *Sotsialisticheskiy trud* [Socialist work], 1935, July 24, no. 135 (438).
26. *Sotsialisticheskiy trud* [Socialist work], 1935, Aug. 21, no. 154 (457).
27. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 23.

Информация об авторе

Ракачев Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: midav.sf@rambler.ru

Information about the author

Rakachev Vadim Nikolaevich – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Sociology. Kuban State University (149, Stavropol'skaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: midav.sf@rambler.ru

Поступила 25.03.2016